

Научная статья

УДК 291.1

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-510-4-130-138

«ТЕХНОЛОГИИ СЕБЯ» КАК ПАРАДИГМА ИССЛЕДОВАНИЯ АСКЕТИЗМА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ МИШЕЛЯ ФУКО

Петр Александрович Корпачев

Российский химико-технологический университет имени Д. И. Менделеева, Москва, Россия, 0009-0002-7928-727X

Аннотация. Статья посвящена анализу произведенного Мишелем Фуко методологического поворота в изучении аскетизма, который позволил преодолеть ограниченность традиционных исследовательских парадигм. Показано, что теологический и психоаналитический подходы, развивавшиеся до последней четверти XX в., сводили аскетизм либо к отказу от мирских благ ради спасения, либо к патологическому подавлению желаний, упуская его продуктивный и конструктивный характер. В качестве альтернативы рассматривается фуколдианская концепция аскетизма как «технологии себя» — совокупности продуманных и добровольных практик, посредством которых индивид целенаправленно преобразует и конструирует собственную субъективность. В работе последовательно прослеживается интеллектуальная траектория, приведшая к формированию данной концепции: от раннего археологического метода и генеалогии дисциплинарной власти к позднему «этическому повороту», центральными понятиями которого стали «забота о себе» и «эстетика существования». Ключевое место в статье занимает демонстрация применения предложенной Фуко четырехчастной аналитической модели для сравнения двух фундаментально различных исторических стратегий субъективации. С одной стороны, анализируется античная модель аскезы как элитарной «эстетики существования», где целью было достижение самообладания свободным мужчиной ради достойной жизни и власти над другими. С другой стороны, исследуется христианская модель как универсальная «герменевтика себя», в которой происходит смещение фокуса на внутреннюю борьбу с «плотью», а аскетические практики превращаются в технологии самоотречения через постоянное проговаривание помыслов и отказ от собственной воли. Обосновывается тезис Фуко, что именно эта исповедальная модель породила современного «субъекта желания». Статья также освещает основные направления критической рецепции данного подхода: критику эстетизации, феминистскую критику андроцентризма и проблему агентности субъекта. В заключение делается вывод о значении этого методологического сдвига для анализа не только исторических феноменов, но и современных секулярных практик. Таким образом, предложенный Фуко подход представляет собой не только новый язык для описания аскетизма, но и действенный инструмент для исследования исторической изменчивости субъекта и способов, которыми люди активно формировали собственное существование.

Ключевые слова: аскетизм, технологии себя, забота о себе, субъективация, генеалогия, герменевтика себя, власть, эстетика существования

Для цитирования: Корпачев П. А. «Технологии себя» как парадигма исследования аскетизма: методологический поворот Мишеля Фуко // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 4 (510). С. 130–138. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-510-4-130-138.

Original article

“TECHNOLOGIES OF THE SELF” AS A RESEARCH PARADIGM FOR ASCETICISM: THE METHODOLOGICAL TURN OF MICHEL FOUCAULT

Petr A. Korpachev

Russian University of Chemical Technology, Moscow, Russia, 0009-0002-7928-727X

Abstract. The article analyzes the methodological turn in the study of asceticism initiated by Michel Foucault, which allowed for overcoming the limitations of traditional research paradigms. It is shown that the theological and psychoanalytic approaches, which developed until the last quarter of the 20th century, reduced asceticism either to the renunciation of worldly goods for the sake of salvation or to the pathological suppression of desires, overlooking

its productive and constructive character. As an alternative, the Foucaultian concept of asceticism as “technologies of the self” is considered — a set of deliberate and voluntary practices through which an individual purposefully transforms and constitutes their own subjectivity. The paper consistently traces the intellectual trajectory that led to the formation of this concept: from the early archaeological method and the genealogy of disciplinary power to the late “ethical turn,” the central concepts of which became the “care of the self” and the “aesthetics of existence.” A key part of the article is the demonstration of the application of Foucault’s proposed four-part analytical model to compare two fundamentally different historical strategies of subjectivation. On the one hand, the ancient model of askēsis as an elitist “aesthetics of existence” is analyzed, where the goal was the achievement of self-mastery by a free man for the sake of a worthy life and power over others. On the other hand, the Christian model as a universal “hermeneutics of the self” is examined, in which the focus shifts to the internal struggle with the “flesh,” and ascetic practices are transformed into technologies of self-renunciation through the constant verbalization of thoughts and the surrender of one’s own will. Foucault’s thesis that it was this confessional model that gave rise to the modern “subject of desire” is substantiated. The article also highlights the main directions of the critical reception of this approach: criticism of aestheticization, feminist critique of androcentrism, and the problem of the subject’s agency. The conclusion addresses the significance of this methodological shift for the analysis of not only historical phenomena but also contemporary secular practices. Thus, the approach proposed by Foucault represents not only a new language for describing asceticism but also an effective tool for researching the historical variability of the subject and the ways in which people have actively shaped their own existence.

Keywords: asceticism, technologies of the self, care of the self, subjectivation, genealogy, hermeneutics of the self, power, aesthetics of existence

For citation: Korpachev PA. “Technologies of the Self” as a Research Paradigm for Asceticism: the Methodological Turn of Michel Foucault. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2026;(4(510):130-138. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-510-4-130-138.

Введение

Вплоть до последней четверти XX в. академический дискурс об аскетизме развивался под влиянием двух противостоящих друг другу и внутренне ограниченных парадигм. Первой была теологическая и церковно-историческая традиция, развивавшаяся с поздней Античности и включавшая в себя апологетические и критические подходы, обусловленные конфессиональной принадлежностью исследователей. Другая парадигма появилась в первой половине XX в., опираясь на работы социологов религии (М. Вебер, Э. Дюркгейм, М. Мосс и др.) и психоаналитиков (З. Фрейд, А. Фрейд), стремясь объяснить аскетизм как инструмент рационализации поведения или патологизировать его, сводя к невротическому подавлению либидо, мазохизму или, как выразился в 1938 г. Карл Меннингер, к «медленному суициду». Общим для обоих подходов было объяснение аскетического поведения или через отказ от некоторых благ, или через его практическую полезность как средства для достижения некоей цели, которой могло быть спасение, сублимация или накопление капитала.

Акцент на негативных, запрещающих или утилитарных сторонах аскетизма сохранялся до начавшегося в 1980-х гг. периода, который сегодня многие западные исследователи характеризуют как «культурный поворот» в религиоведении и философской антропологии [24, с. 9] и который ознаменовался смещением фокуса с вопроса «от чего и ради чего отказывается аскет?» на во-

прос «кем становится аскет и как он себя конструирует?». Центральной фигурой этого методологического сдвига стал французский философ Мишель Фуко. Предложенный Фуко методологический поворот во многом возвратил понятию askēsis его изначальный смысл упражнения и тренировки. Как отмечает М. Питерс, изначально это слово относилось к тренировке атлета или солдата и лишь со временем было перенесено на сферу ума, воли и души [25, с. 1937], и в этой перспективе аскетизм становится частью фуколдианского проекта «эстетики существования». Цель данной статьи — проследить эволюцию взглядов Фуко, рассмотреть его аналитическую модель этики, различение античных и христианских стратегий субъективации, а также критическую рецепцию его идей и их значение для современной философии религии.

Интеллектуальная эволюция Фуко от археологии знания к генеалогии субъекта

Свой путь в философии Фуко начал с критики психологии, разрыва с феноменологической и экзистенциальной традициями, доминировавшими тогда во Франции. Его главная претензия к философии — неспособность постичь человека, ключевой объект изучения, и стремление к поиску трансцендентального субъекта. Психология же, по Фуко, редуцировала человека в стремлении к позитивистским идеалам. Именно эти причины побудили его провозгласить «смерть субъекта» —

постулирование отказа от поиска внеисторического, универсального субъекта и даже от веры в существование такового: «Человек, как без труда показывает археология нашей мысли, — это изобретение недавнее. И конец его, быть может, недалек... можно поручиться — человек исчезнет, как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке» [17, с. 404].

Вместо этих бесплодных поисков Фуко предлагает исследовать те исторические условия, которые делают возможным появление субъекта, переходя от традиционной «истории идей» к «археологии знания», объектом которой являются дискурсивные формации, предметом — история появления различных «игр истины», а задачей — описание правил, управляющих знанием. Дискурс в понимании Фуко — это обладающие собственными системами правил и отношений «речевые практики, запечатленные в текстах и документах минувшей эпохи» [8, с. 177]. Игры истины фиксируют, что может быть сказано и помыслено; какие объекты могут стать предметом научного знания; кто имеет право легитимно говорить; и, наконец, «относительно каких вещей, при каких условиях и что именно будет признано истинным или ложным» в рамках дискурса [8, с. 177].

В 1970-е гг. археология знания уступает у Фуко место «генеалогии», задающей вместо вопроса «что мы можем сказать?» вопрос «как властные отношения делают возможными те или иные дискурсы?». Фуко начинает анализ власти, причем не юридической, а дисциплинарной. Эта форма власти, сложившись в XVII–XVIII вв., не столько запрещает и подавляет, сколько формирует, производит и нормализует, делая индивида послушным и полезным с помощью нескольких инструментов: искусства распределения, постоянного надзора и нормализующей санкции. По существу, дисциплинарная власть порождает секуляризованную форму аскезы, где послушание и упражнение тела направлены не на спасение души, а на достижение экономической полезности и политической управляемости.

Объектом дисциплинарной власти становится тело, и поэтому знание отныне становится тесно связанным с властью, порождая единое знание-власть: медицинское и пр. знание порождается необходимостью контроля со стороны власти и делает этот контроль более эффективным [8, с. 180–183]. Параллельно дисциплине индивидуального тела развивается биополитика — технология власти над человечеством как биологическим видом: его размножением, смертностью, здоро-

вьем нации, продолжительностью жизни и т. п. [10, с. 243]. Сексуальность же избирается Фуко центральным объектом изучения потому, что она находится в точке пересечения индивидуального тела и регуляции популяции, оказываясь ключевым объектом власти-знания.

Хотя ранние работы Фуко сосредоточены на внешнем принуждении, современные исследователи (например, У. Тиллечек) предлагают рассматривать их в едином контексте с поздними сочинениями в рамках стратегии «прочтения Фуко назад» [26, с. 243–256]. В этой перспективе дисциплинарные институты, такие как фабрика, тюрьма или казарма, предстают как аскетические пространства (*asketerion*), в которых через рутинные упражнения и постоянный надзор формируется новый тип субъекта. Это позволяет рассматривать аскетизм как сквозную тему творчества Фуко, который с течением времени лишь смещал акцент с принудительных практик на добровольные. К началу 1980-х гг. Фуко практически исчерпал проблематику внешнего принуждения и совершил решительный поворот от анализа технологий, которыми власть объективирует индивида, к исследованию практик, посредством которых индивид добровольно конструирует сам себя в качестве субъекта.

«Забота о себе» как этический и методологический поворот

Центральным для позднего периода творчества Фуко становится смещение фокуса с власти на этику, понятию не как свод запретов, а как отношение индивида к самому себе. Этот «этический поворот» потребовал разработки нового концептуального аппарата. Если в ранних работах интерес Фуко был обращен к объективации «Я», технологиям власти и подчинения, то к 1981 г. он сместился на «субъективацию» — то, каким образом человек превращает самого себя в субъекта. В процессе этого преобразования человеком используются «практики, посредством которых индивиды, сами или благодаря другим людям, воздействуют на собственные тела, души, мысли, поведение и способ существования с целью преобразования себя» [18, с. 97], и именно их генеалогии был посвящен новый проект, который Фуко не успел довести до конца.

Выбрав в качестве нового фокуса внимания этическое самоформирование субъекта, Фуко начал работу над новой методологией и подбором подходящего исторического материала. Он начал с проведения различия между дельфийским принципом

«познай самого себя», в плену которого оказалась западная мысль, и более общим и важным императивом античности — «заботься о себе». Фуко аргументированно доказывал, что первый призыв стал фундаментальным требованием гносеологии начиная с Декарта, который провозгласил самопознание условием доступа к истине [5, с. 122], однако во времена Сократа и вплоть до окончания имперского периода она была подчинена «заботе о себе».

Центральное понятие этого этапа работы Фуко — «искусства существования» (*arts de l'existence*), определяемые как «продуманные и добровольные практики, посредством которых люди не только устанавливают для себя правила поведения, но стараются изменить самих себя, преобразить себя в собственном особом бытии и сделать из своей жизни произведение, несущее в себе определенные эстетические ценности и отвечающее определенным критериям стиля» [14, с. 17–18]. Способом осуществлять эти практики становятся «технологии себя», один из четырех типов технологий, используемых, по Фуко, людьми для осмысления и преобразования мира, наряду с технологиями власти, технологиями знаковых систем и технологиями производства. Фуко определяет технологии себя как практики, «позволяющие индивидам, самим или при помощи других людей, совершать определенное число операций на своих телах и душах, мыслях, поступках и способах существования, преобразуя себя ради достижения состояния счастья, чистоты, мудрости, совершенства или бессмертия» [18, с. 100]. Этот концепт очень близок двум другим: «искусству существования» и «эстетике существования». Целью поздней работы философа становится генеалогия этики как «типа отношений, которые я должен устанавливать с самим собой» [15, с. 143]. Можно сказать, что аскетизм в широком понимании этого термина — центральная «технология себя».

Важное значение для понимания этого проекта имеет опубликованная в журнале «Логос» в 2008 г. подборка его текстов, посвященных технологиям себя, заботе о себе и герменевтике себя. Особенный интерес представляют две работы: «О генеалогии этики» и «Технологии себя» [15; 18]. Доклад «Технологии себя» был прочитан Фуко в Университете Вермонта осенью 1982 г. и изначально должен был стать подготовительной работой для новой книги, посвященной анализу чтения, письма и «заботы о себе». Другим выра-

жением изменения в работе Фуко стало введение ко второму и третьему томам «Истории сексуальности», в котором он объясняет причины отказа от дальнейшего исследования современности и обращение к античности. Он отказывается от изначального плана работы, назвав секс «скучным» [15, с. 135], решив заняться вместо анализа дисциплинарных механизмов власти генеалогией «человека желания», начало которой следует искать в античности [14, с. 10]. Интерес Фуко поворачивается от техник объективирования индивида властью к техникам самостоятельного конструирования индивидом себя, и он сам формулирует свою цель как «изучение игр истины в отношениях индивида к самому себе, а также конституирования себя в качестве субъекта» [10, с. 211].

Нужно очертить круг основных источников, на которые опирался Фуко во время работы. Из античных авторов это в первую очередь Платон, в частности диалог «Алкивиад I», ставший отправной точкой анализа *epimeleia heautou*. В этом диалоге Сократ призывает юного Алкивиада позаботиться прежде всего о себе (о своей душе), а не о полисе. Материал для описания конкретных «техник себя» Фуко находит в стоической философии, которые использовали ведение записей, вечернюю рефлекссию о прошедшем дне, размышления о смерти, письма друзьям, испытание помыслов и другие практики как «искусство существования» [3, с. 27, 37–40]. Наряду с Платоном и стоиками Фуко интересовали и киники с эпикурейцами [19, с. 24]. Центральная фигура среди христианских авторов — Иоанн Кассиан, в котором Фуко находит опору для описания новой модели субъективации через послушание, смирение и постоянную «экзаменовку сознания» [4, с. 63–65]. Именно Иоанн Кассиан, по Фуко, преобразовал античные практики самоанализа в инструментарий избавления от греховных желаний через постоянное поверение мыслей старцу (*exagoreusis*), легшее в основу всей западной исповедальной культуры [25, с. 1940]. Среди философских источников, как уже отмечалось ранее, центральная фигура для понимания позднего Фуко — Фридрих Ницше, у которого он воспринимает метод генеалогии, интерес к «пограничным опытам» и идею жизни как произведения искусства [6, с. 38], наряду с Жоржем Батаем и Морисом Бланшо [13, с. 215], что помогло ему в дальнейшем представить «заботу о себе» как практику трансгрессии и десубъективации.

Применение модели Фуко: античные и христианские стратегии субъективации

Для проведения генеалогического анализа этических систем Фуко разработал универсальную четырехчастную методологическую схему, позволяющую деконструировать любую мораль как исторически сложившуюся практику субъективации. Первый этап — определение этической субстанции (*substance éthique*) — того, что является предметом моральной озабоченности (желания, поступки). Второй — способ подчинения (*mode d'assujettissement*) — та причина, по которой индивид считает себя обязанным следовать правилам (заповеди, стремление к счастливой жизни и т. п.). Третий этап — телеология этического субъекта (*téléologie*) — конечная цель или желаемое состояние (чистота, свобода, бессмертие и т. п.), к которым стремится индивид и ради которых использует практики. Наконец, четвертый этап — аскетизм в широком смысле этого термина, то есть конкретные практики и техники, которые индивид применяет к себе, чтобы стать этическим субъектом [15, с. 144–145].

Применяя эту методологическую схему к истории аскетизма, Фуко демонстрирует, что строгие практики самоотречения существовали и до христианства, но имели другие основания и цели, были широко распространены и даже считались необходимыми для правильной жизни и управления другими людьми [18, с. 101–103]. Из педагогической подготовки к политической карьере они перешли в статус универсального принципа «искусства существования» (*techne tou biou*) образованной элиты греческого и римского общества [12, с. 51–53]. Следуя четырем этапам, описанным выше, у Фуко получается следующее описание «заботы о себе» в античном мире.

1. Этическая субстанция — *aphrodisia*, то есть совокупность актов, удовольствий и желаний, которые нужно было правильно использовать [14, с. 62–68, 84].

2. Способ подчинения — стремление свободного мужчины прожить славную и прекрасную жизнь, не будучи рабом своих страстей, чтобы иметь возможность властвовать над другими [15, с. 144].

3. Целью было достижение самообладания (*enkrateia*) как активной власти над собой [14, с. 101].

4. Практикой достижения выступал *askēsis* как «расширяющееся осмысление себя или овладение собой, достигаемое не путем отказа от реальности, а через приобретение и ассимиляцию исти-

ны» [18, с. 112]. Аскеза включала телесные тренировки (*gymnasia*), интеллектуальные упражнения (*meletē*) и другие техники, к примеру ведение записных книжек (*hypomnēmata*) [15, с. 151–152].

В античности доступ к истине был невозможен без предварительной трансформации самого субъекта, поэтому Фуко и определяет духовность (*spirituality*) как «поиски, практику и опыт, посредством которых субъект производит в себе самом изменения, необходимые для того, чтобы получить доступ к истине» [11, с. 27].

Христианство же, по Фуко, радикально трансформирует эту модель во всех четырех аспектах:

1) этическая субстанция от *aphrodisia* смещается к плоти (*sarx*) и вожделению (*concupiscentia*), а главное внимание уделяется не внешним действиям, а внутренней деятельности души [16, с. 60; 15, с. 148];

2) способ подчинения от этического выбора свободного мужчины переходит к подчинению божественным заповедям;

3) целью вместо самообладания становится вечная жизнь, достигаемая через самоотречение;

4) аскетизму в стоическом понимании на смену приходит христианская «герменевтика себя», основанная на постоянной расшифровке и интерпретации собственных помыслов, а также две техники производства истины о себе: *Echomologesis* и *Echagoreusis*. *Echomologesis* — это публичная и театрализованная демонстрация себя как грешника, позволяющая разрушить свою идентичность («Я не есть я»), ее апогеем выступает мученичество [18, с. 117]. *Echagoreusis* — постоянный рассказ своих помыслов наставнику, духовному отцу, целью которого является «различение духов» (*discretio spirituum*), то есть определение источника каждой мысли при полном отказе от собственной воли и доверии взгляду Другого, который один только и может вскрыть истину за обманчивыми помыслами [18, с. 118–121]. В этом, согласно Фуко, заключается парадокс: в аскетизме, который традиционно виделся формой запрета и репрессии, с помощью генеалогического анализа мы можем обнаружить прямо противоположное — «принуждение к речи». Христианская аскеза не заставляет молчать о плоти, но, напротив, запускает механизм бесконечного и всё более детализированного проговаривания, превращая ее в объект постоянного анализа.

Таким образом, античная и христианская аскетические традиции у Фуко расходятся по разным траекториям: первая нацелена на создание и усиление «Я», а вторая — на умаление «Я» ради

раскрытия истины о себе. Историческая значимость христианской модели в том, что она породила современного «субъекта желания», расколотого внутри и постоянно обязанного извлекать скрытую истину о себе через признание. Генеалогический анализ Фуко вскрывает фундаментальный разрыв между двумя типами аскезы. Если античная была практикой эстетического самосозидания, направленной на утверждение «Я» через овладение собой, то христианский аскетизм стал технологией самоотречения, нацеленной на демонтаж «Я» ради обнаружения истины, сокрытой в глубинах души и требующей постоянной вербализации и интерпретации Другим. Именно эта вторая модель, по Фуко, легла в основу современного «психологизированного» человека, обязанного непрерывно извлекать истину о своем желании.

Фуко произвел слом парадигмы, когда перестал рассматривать аскетизм как исключительно религиозный феномен подавления и увидел в нем технологии конструирования субъективности — «технологии себя». Аскеза и аскетика перестали соотноситься с теологическими догматами и церковной традицией, став частью дискурса о власти, о познании и в целом об истории интеллектуальной жизни Европы. В целом философский проект позднего Фуко можно рассматривать как проект освобождения от навязанной субъективности [7, с. 14] с помощью нового понимания аскетизма в качестве творческой технологии трансформации субъекта.

Аскетизм в этом проекте окончательно перестает быть репрессией или отрицанием, утверждаясь как продуктивная практика творящего производства:

- 1) производства истины о себе через исповедь и другие практики;
- 2) производства субъекта через сбор себя как особого типа субъективности (христианина, философа и т. д.);
- 3) производства власти через отношения наставника и исповедника.

Аскетизм у Фуко связан с трансгрессией, так как аскет — это тот, кто через практики тела преодолевает социальные, телесные и духовные границы.

Важность позднего проекта Фуко заключается не только в том, что он позволил по-новому взглянуть на аскетизм. Помимо академических вопросов, его интересовало и решение глубоко личных задач. Фуко пытался сам для себя ответить на вопрос о том, как можно жить свобод-

ным в мире, который пронизан властными отношениями, как можно сопротивляться им. Обращение к этике имело стратегический характер: «сопротивляясь политической власти, опереться на что-либо, кроме как на то, как ты сам к себе относишься, больше не на что» [11, с. 278]. Ответом стала «эстетика существования» — продуманные практики трансформации себя, позволяющие «сделать из своей жизни произведение» [14, с. 17], лично важные для самого Фуко и в контексте его личной жизни и нетрадиционной ориентации, что более детально рассматривает в своей диссертации Дж. Айрес [20].

Значение концепции аскетизма Фуко и ее критика

Работа Мишеля Фуко произвела настоящий переворот в дискурсе об аскетизме и положила начало следующему этапу его академического изучения, предоставив исследователям новый аналитический язык и методологию. Фуко показал историческую изменчивость аскетизма и многообразие его форм, вывел на первый план не репрессивность аскезы, а ее продуктивность как технологии производства истины, власти и субъективности, а также предложил четырехосевую модель этики и различение моделей субъективации, которые легли в основу работ Питера Брауна, Джеффри Харфама, Элизабет Кларк, Ричарда Валантасиса и других исследователей. Фуко способствовал расширенному пониманию дискурсивных практик в современной научной терминологии: развивая его идеи, Эверил Кэмерон предложила концепт «аскетического дискурса» как сложной системы текстов, правил и институтов, которая определяет, что можно и что нельзя делать и говорить [21, с. 150–152].

Наконец, Фуко открыл генеалогию современного «субъекта желания», дав инструментарий для работы с современными секулярными аскетическими практиками. Ключевой вопрос об аскетизме после Фуко уже уверенно звучал не как вопрос об аскетических запретах и практиках умерщвления плоти, но как вопрос о том, какой род субъективности аскеты стремились и стремятся создать и с помощью каких практик. Как отмечает Р. Кравец, именно работы Фуко способствовали тому, чтобы «относиться к аскетизму серьезно, не просто как к телесной практике, но как к средству конструирования “Я” и как к индикатору более широких культурных установок» [23, с. 766].

Несмотря на огромное влияние, оказанное Фуко на сферу гуманитарного познания, его концепция аскетизма была подвергнута критике сразу с нескольких сторон. Первое направление критики Фуко можно назвать «философским». Пьер Адо, выдающийся исследователь античной мысли, упрекал Фуко в чрезмерной «эстетизации» и «гедонизации» античной этики. По мнению Адо, сводя «заботу о себе» к «дендизму» и наслаждению собственной автономией [1, с. 367], Фуко упускает ключевое измерение античной аскезы — ее связь с универсальным Логосом [3, с. 41–42; 9, с. 140]. В понимании Адо, целью античных духовных упражнений было не замыкание субъекта на самом себе, а напротив, экстерниоризация — преодоление индивидуальности для обретения «чувства принадлежности к целому» и возвышения до космического статуса. Фуко, сосредоточившись на «технологиях себя», оставил за скобками физику и логику, без которых, как утверждает Адо, этика стоиков или эпикурейцев немислима [1, с. 320–321].

Второе направление критики — историко-гендерное. Представители феминистской критики указывали на андроцентризм фуколдианского анализа. В описании античной «эстетики существования» Фуко опирается на тексты, написанные мужчинами и для мужчин, игнорируя тот факт, что для женщин, рабов и других маргинализованных групп эти практики «свободного выбора» были недоступны. Элизабет Кларк в своей программной статье 1988 г., хотя и признает продуктивность метода Фуко, отмечает, что его модель субъективации плохо применима к раннехристианским женщинам-аскетам, чья «субъективность» конструировалась в гораздо более жестких рамках патриархального надзора, чем «субъект желания» мужской элиты [22, с. 619–641].

Третий вектор критики связан с проблемой агентности (agency). Джеффри Харфам и ряд других исследователей указывают на скрытый детерминизм Фуко. Несмотря на декларируемый интерес к «субъективации», субъект у Фуко, особенно в его ранних работах, зачастую представляется пассивным продуктом дискурсивных практик и властных отношений. Возникает вопрос: если субъект полностью конструируется внешними «технологиями», возможно ли вообще говорить о подлинном сопротивлении или духов-

ном выборе? Талал Асад также критикует Фуко за секулярный взгляд на религию, при котором аскетизм сводится к дисциплине тела, а религиозное переживание трансцендентного (встреча с Божественным) игнорируется как незначимое для анализа.

Заключение

Методологический поворот, совершенный Мишельем Фуко, разделил историю изучения аскетизма на «до» и «после». Он позволил исследователям выйти за пределы узких теологических или психоаналитических трактовок, предложив новый аналитический язык.

Во-первых, Фуко деуниверсализировал понятие «аскетизм». Его работы наглядно продемонстрировали, что этот феномен — не внеисторическая сущность или набор неизменных запретов, а динамичная совокупность технологий, меняющихся от эпохи к эпохе. Греческий *askēsis* как элитарная эстетика существования и христианский аскетизм как универсальная герменевтика послушания — это не ступени одной лестницы роста репрессивности, а принципиально разные стратегии субъективации.

Во-вторых, Фуко сместил фокус с репрессивности на продуктивность, благодаря чему аскетизм окончательно перестал пониматься как «умерщвление плоти» или «отказ от удовольствий» по своему существу. В предложенной Фуко модели аскетические практики предстают как механизмы тройного производства: производства истины, производства субъекта и производства власти.

Таким образом, «культурный поворот» в исследованиях религии, произошедший в последние три десятилетия, во многом обязан именно фуколдианской пересборке понятий. Современный вопрос об аскетизме — это уже не вопрос «от чего отказывается аскет?», а вопрос «кем он становится в процессе этого отказа?». Этот сдвиг открывает перспективы для анализа не только исторических, но и современных секулярных практик — от диетических режимов до психологических тренингов — как новых форм «технологий себя» в эпоху после провозглашенной Фуко «смерти субъекта», а также когнитивных и эволюционных процессов, лежащих в основе феномена аскетизма и форм аскетического дискурса в искусстве, экономике, науке и других областях.

Список источников

1. Адо П. Духовные упражнения и античная философия. М. ; СПб. : Степной ветер : Коло, 2005. 448 с.
2. Ближенков В. Л. Забота о себе в герменевтике субъекта Мишеля Фуко. Рецензия на книгу: Фуко М. (2022) Говорить правду о самом себе. Лекции 1982 года в Университете Торонто. М. : Издательский дом ДЕЛО РАНХиГС // Социология власти. 2022. Т. 34, № 3–4. С. 307–313.
3. Гаджикурбанова П. А. «Духовные упражнения» или «забота о себе» (стоическая этика в интерпретации П. Адо и М. Фуко) // Этическая мысль. 2019. Т. 19, № 1. С. 27–42.
4. Гашков С. А. «Признания плоти» М. Фуко: к осмыслению методологии и значения // История философии. 2021. Т. 26, № 2. С. 57–68.
5. Карабыков А. В. Между Сенекой и садом: «искусство себя» в творчестве Мишеля Фуко // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 42. С. 118–126.
6. Куликов М. В. «Забота о себе» как опыт маргинального: М. Фуко и Л. Толстой // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 67. С. 35–45.
7. Савельева Н. Между свободой и подчинением: «техники себя» в работах Мишеля Фуко // INTER. 2015. № 9. С. 7–15.
8. Сокулер З. А. Мишель Фуко // Вестник культурологии. 2011. № 1. С. 176–184.
9. Федичева К. В. Забота о себе: философский, онтологический и этический аспекты // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2010. Т. 2, № 3. С. 136–144.
10. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М. : Касталь, 1996. 448 с.
11. Фуко М. Герменевтика субъекта: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981/82 учебном году. СПб. : Наука, 2007. 677 с.
12. Фуко М. Забота о себе. Киев : Дух и литера : Грунт ; М. : Рефл-бук, 1998. 288 с.
13. Фуко М. Интеллектуалы и власть : избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 2. М. : Праксис, 2005. 320 с.
14. Фуко М. Использование удовольствий. История сексуальности. Т. 2. СПб. : Академический проект, 2004. 432 с.
15. Фуко М. О генеалогии этики: обзор текущей работы // Логос. 2008. № 2 (65). С. 135–159.
16. Фуко М. Признания плоти. История сексуальности. Т. 4. М. : Ад Маргинем Пресс ; Музей современного искусства «Гараж», 2021. 416 с.
17. Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. М. : Прогресс, 1977. 407 с.
18. Фуко М. Технологии себя // Логос. 2008. № 2 (65). С. 96–123.
19. Яцуценко Ю. В. Этическая идентификация субъекта и «техники себя» в работах Мишеля Фуко // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2016. Т. 16, № 1. С. 20–32.
20. Ayres J. P. Foucault's Asceticism and the Subject of AIDS. Dissertation. Austin, University of Texas at Austin, 2003. 281 p.
21. Cameron A. Ascetic Closure and the End of Antiquity // Asceticism / ed. by V. L. Wimbush, R. Valantasis. New York, Oxford University Press, 1998. P. 147–161.
22. Clark E. A. Foucault, The Fathers, and Sex // Journal of the American Academy of Religion. 1988. Vol. 56, № 4. P. 619–641.
23. Krawiec R. Asceticism // The Oxford Handbook of Early Christian Studies. Oxford : Oxford University Press, 2008. P. 764–786.
24. Martin D. B., Miller P. C. The Cultural Turn in Late Ancient Studies: Gender, Asceticism, and Historiography. Durham : Duke University Press, 2005. 364 p.
25. Peters M. A. Ascetic self-cultivation, Foucault and the hermeneutics of the self // Educational Philosophy and Theory. 2022. Vol. 54, iss. 12. P. 1936–1941.
26. Tilleczek W. C. Powers of Practice: Michel Foucault and the Politics of Asceticism. Doctoral dissertation. Cambridge, Harvard University, 2022. 439 p.

Информация об авторе

П. А. Корпачев — старший преподаватель кафедры философии.

Information about the author

P. A. Korpachev — Senior Lecturer of the Department of Philosophy.

Статья поступила в редакцию 24.01.2026; одобрена после рецензирования 07.04.2026; принята к публикации 15.04.2026.

The article was submitted 24.01.2026; approved after reviewing 07.04.2026; accepted for publication 15.04.2026.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.